

КРАЙ СПЕЛОГО БОЯРЫШНИКА

Нерассказанная история России, XX век (в лицах)

Братья Швальнеры

16+

Братья Швальнеры

**Край спелого боярышника:
нерассказанная
история России, XX век**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Швальнеры Б.

Край спелого боярышника: нерассказанная история России, XX век
/ Б. Швальнеры — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Россия, XX век... Казалось бы, история известна вдоль и поперек и ничего нового открыть здесь нельзя. Однако, авторы делают решительную и смелую попытку к этому, извлекая — на основе архивных данных — на свет Божий подробности того, что в действительности двигало русским народом в проводимых им войнах, революциях и преобразованиях. О чем думали правители и их подчиненные, стадо и их пастухи, что было подводным течением моря русской истории XX века и истинным мотивом движения паровоза «Россия»...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Главному герою книги – народу России – в лице его ярчайшего представителя Святослава «Ка-Кахи» Щербакова, вдохновившего нас на ее создание – посвящается

Ложный патриотизм создает почву для самых отвратительных преступлений

*Анатолий Безуглов, российский писатель, юрист,
правовед второй половины XX века*

*Как мать пестует на руках свое дитя, так наша
Церковь вынянчила и выносила для России самодержавие*

Патриарх Гермоген, русский церковный деятель начала XX века

От авторов.

История России во все времена была одной из самых ярких среди держав такого уровня. При всей предсказуемости истории США, Великобритании или Германии, представляющих не меньший интерес для ученых, история России отличалась такими бросками в разные стороны – с легкой руки своего же народа, – что не всегда поддавались рациональному и расчетливому уму европейцев или американцев. Этим-то она и увлекательна. Путешествие по ней сродни сплаву по быстрой горной реке – кругом шикарные пейзажи, а ты только успевай держи весла в ключах да не давай лодке сбиться с пути. Где-то она похожа на сказку, где-то – на драму, а где-то прямо веет комедией.

История страны в XX веке была драматична настолько же, насколько иллюстративна. Но мы не историки, чтобы категорично судить о ней, а также писать научные исторические работы, претендующие на роль учебников. При написании книги нами двигало следующее...

Последнее время внутри страны и за ее пределами стал складываться образ «Рашки» – страны, населенной невежественными и жестокими людьми, страдающими гомофобией, великодержавным шовинизмом, а также всеми мыслимыми человеческими пороками (включая пьянство; давешняя история с отравлением настойкой боярышника – яркая тому иллюстрация). В то же время, если быть последовательным, именно этот народ породил в XX веке Шолохова и Солженицына, Сахарова и Курчатова, Пастернака и Барышникова. В чем же дело? – спросили мы себя. Когда и при каких обстоятельствах произошло преломление менталитета великой нации, так резко заставившее измениться общественное мнение как среди думающей интеллигенции в России, так и за рубежом?

Стали детально рассматривать историю нашей страны последнего столетия. И, сколько назад ни крутили, картина существенно не менялась – общее падение интеллектуального уровня, шовинизм то и дело проскальзывали в плотной череде событий, наполнивших жизнь страны в век потрясений. И все-таки уперлись в тупик – 1917-й год. Символично, подумали мы, почему спустя ровно сто лет страна переживает кризис сродни тому, что переживала весной 1917-го? И потому решили обратиться к корням русской проблемы. Только ли в боярышнике дело? В нем ли одном? И когда созрел тот куст, что травит ментальность русского народа многие годы?

Простите нам эту иронию – все-таки дальше вы столкнетесь с огромным количеством реальных цифр и фактов, и будет уже не до шуток, а придать работе статус художественного исследования все же хочется, хоть и не просто! В действительности, «не рассказанного» здесь мало – история России в XX веке изъезжена учеными вдоль и поперек, и эта задача тем легче, чем ближе события к глазам летописца. Новое, что мы постарались открыть – это выводы, проистекающие из всем известных, казалось бы, событий. При всей своей очевидности дойди

они до людей раньше – кто знает, скольких бы ошибок удалось избежать. Или все эти ошибки в XX веке были совершены нами сознательно? Нами, а не правителями! Ведь у руля основную часть столетия стоял все же народ – его решениям и мнениям подчинялась им же поставленная власть. А стоило ей повернуть голову – как ее же и свернули! Постарайтесь ответить на эти вопросы хотя бы затем, что история России продолжается, и только от нас с вами зависит ее будущее; и только мы с вами знаем, выучили ли мы те уроки, которые преподнес нам много-страдальный XX век...

В добрый путь!

Глава первая. «Царь. Last but not least» («Последний по порядку, но не по значению», англ.).

*«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
бунтует – понятное дело.
У нас революцию делает знать,
в сапожники, что ль, захотела?..»*

*Н.А. Некрасов
«Русские женщины»*

Узел первый. Начало века.

Приход в Россию нового века ознаменовался восшествием на престол нового царя – сын Александра III Николай Второй был надеждой России. После отца, продолжившего репрессивную и деспотическую во многом политику Николая I, сдержавшего реформы деда, Александра II, именно Николай II мог и должен был вновь принять курс реформ. Исследователи в один голос утверждают, что реформы эти должны были носить главным образом конституционный характер – России необходимо было стать на рельсы конституционной монархии, чтобы тем самым сохранить самодержавие как единственно возможную для России и благоприятствующую форму правления. Однако, по ряду причин этого не произошло. А произошло то, что мы постараемся описать предельно сухо и в хронологической последовательности.

Восшествие на престол государя сразу было омрачено трагедией – по случаю празднования данного события в 1896 году на Ходынском поле в Москве произошла страшная давка, унесшая жизни нескольких десятков человек, за что в последующем государь получил прозвище «Николай Кровавый». Это событие широко известно, но о Николае как о государе не говорит. Оно примечательно другим. По случаю празднования восшествия нового Государя на престол раздавали пришедшим на Ходынку людям подарки. В давке за подарками и поубивали друг друга, сами того не желая. Вдумайтесь – давили друг друга за подарки! Здесь мы бы несколько переиначили общепринятое в советской истории понимание данного события как некоего печального образа, присущего государю с момента вступления в должность. Здесь скорее целесообразно говорить о самом народе, чей драматический образ наложил отпечаток на государя.

Потому что по целому ряду параметров – например, экономика, являющаяся, по Марксу, основой жизни общества – время правления Николая характеризовалось значительными улучшениями.

Экономика росла, но, как водится, истинно русский государь не знал предела совершенству – и постоянно мыслил об экономической экспансии, которая ни сейчас, ни раньше никакими методами, кроме военных, не достигается. Россия продолжала нести на себе крест госу-

дарства – гегемона, который куда как больше соленых слез добавляет в образ Николая, чем события на Ходынском поле.

Так например на Дальнем Востоке Государь планировал значительную экономическую экспансию – ширившиеся торговые и промышленные связи с Китаем заставляли его смотреть на Манчжурию как на форпост в будущем торговом союзе с Китаем. Аренда Россией Ляодунского полуострова, постройка Китайско-Восточной железной дороги и основание морской базы в Порт-Артуре, растущее влияние России в Манчжурии сталкивались с устремлениями Японии, которая также претендовала на Манчжурию.

24 января (6 февраля) 1904 года японский посол вручил русскому министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу ноту, которая извещала о прекращении переговоров, которые Япония полагала «бесполезными», о разрыве дипломатических сношений с Россией; Япония отзывала свою дипломатическую миссию из Петербурга и оставляла за собой право прибегнуть для защиты своих интересов к «независимым действиям», какие она сочтёт нужными. Вечером 26 января (8 февраля) 1904 японский флот без объявления войны атаковал порт-артурскую эскадру. Высочайший манифест, данный Николаем II 27 января (9 февраля) 1904 года, объявлял Японии войну.

За пограничным сражением на реке Ялу последовали сражения под Ляояном, на реке Шахэ и под Сандепу. После крупного сражения в феврале – марте 1905 года, русская армия оставила Мукден.

20 декабря 1904 (2 января 1905) года был сдан Порт-Артур. Ю. Данилов пишет: «В царском поезде большинство было удручено событиями, сознавая их важность и тяжесть. Но Император Николай II почти один хранил холодное, каменное спокойствие. Он по-прежнему интересовался общим количеством вёрст, сделанных им в разъездах по России, вспоминал эпизоды из разного рода охот, подмечал неловкость встречавших его лиц, и т. д. . . . Свидетелем того же ледяного спокойствия Царя мне пришлось быть и позднее; в 1915-м году в трудный период отхода наших войск из Галичины; в следующем году, когда назревал окончательный разрыв Царя с общественными кругами, и в мартовские дни отречения во Пскове в 17-м году».

Сам же Николай II в дневнике писал об этом событии так: «21-го декабря. Вторник. Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!»¹

После падения крепости Порт-Артура мало кто уже верил в благоприятный исход военной кампании. Патриотический подъём сменился раздражением и унынием. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений. Император долго не соглашался признать провал кампании, считая, что это лишь временные неудачи. Он, несомненно, хотел мира, только лишь почётно мира, который могла обеспечить сильная военная позиция. К концу весны 1905 г. стало очевидным, что возможность изменения военной ситуации существует лишь в отдалённой перспективе. Исход войны решило морское сражение при Цусиме 14-15 (28) мая 1905 года, которое завершилось почти полным уничтожением русского флота. 23 мая (5 июня) 1905 года император получил, через посла США в Петербурге Мейера, предложение президента Т. Рузвельта о посредничестве для заключения мира. Ответ не заставил себя долго ждать. 30 мая (12 июня) 1905 министр иностранных дел В. Н. Ламздорф официальной телеграммой информировал Вашингтон о принятии посредничества Т. Рузвельта. Русскую делегацию возглавил уполномоченный царя С. Ю. Витте, в США к нему присоединился русский посол в США барон Р. Р. Розен. Тяжёлое положение русского правительства после русско-японской войны побудили германскую дипломатию сделать в июле

¹ <http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1904.htm>

1905 года ещё одну попытку оторвать Россию от Франции и заключить русско-германский союз: Вильгельм II предложил Николаю II встретиться в июле 1905 года в финляндских шехерах, около острова Бьёрке. Николай согласился, и на встрече подписал договор; вернувшись в Петербург, отказался от него, так как 23 августа (5 сентября) 1905 года в Портсмуте русскими представителями С. Ю. Витте и Р. Р. Розеном был подписан мирный договор. По условиям последнего, Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступала Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний.

Вот это отвлечение государства на расширение границ военным путем всегда влечет расщепление внимания – так случилось и на этот раз. В обществе росли классовые противоречия, гражданское общество требовало для себя больше прав, что, по старой русской жандармской традиции, пресекалось министрами внутренних дел. Оно, быть может, всю жизнь так было и продолжалось бы и дальше, но о росте напряжения свидетельствовало то, что начались убийства министров внутренних дел. Сначала в 1902 году эсер убил министра Д.Н. Сипягина. Затем, спустя 2 года, эсер Егор Созонов – его преемника графа В.К. Плеве. Все говорило в пользу надвигающегося социального взрыва, который и произошел.

В 1825 году о предстоящем взрыве прадед нашего героя тоже получил сигнал – восстание декабристов. Здесь одним восстанием недовольного офицерства дело не обошлось – все зашло куда дальше.

9 (22) января 1905 года в Петербурге по инициативе священника Георгия Гапона состоялось шествие рабочих к Зимнему дворцу. 6—8 января священником Гапоном и группой рабочих была составлена на имя императора Петиция о рабочих нуждах, в которой наряду с экономическими содержался ряд политических требований. Главным требованием петиции было устранение власти чиновников и введение народного представительства в форме Учредительного собрания. Когда правительству стало известно о политическом содержании петиции, было принято решение не допускать рабочих к Зимнему дворцу, а при необходимости задерживать их силой. Вечером 8 января министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский известил императора о принятых мерах. Вопреки расхожему мнению, Николай II не отдавал приказ о стрельбе, а только одобрил меры, предложенные главой правительства. 9 (22) января 1905 колонны рабочих во главе со священником Гапоном двинулись с разных концов города к Зимнему дворцу. Наэлектризованные фанатической пропагандой, рабочие упорно стремились к центру города, невзирая на предупреждения и даже атаки кавалерии. Чтобы предотвратить скопление 150-тысячной толпы в центре города, войска вынуждены были произвести по колоннам ружейные залпы. По официальным правительственным данным, за день 9 (22) января 1905 было убито 130 и ранено 299 человек. Вечером 9 (22) января 1905 Николай II записал в своём дневнике: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»

События 9 (22) января 1905 стали поворотным моментом в русской истории и положили начало Первой русской революции. Либеральная и революционная оппозиция возложила всю вину за случившиеся события на императора Николая. Священник Гапон, скрывшийся от преследований полиции, написал вечером 9 (22) января 1905 воззвание, в котором призвал рабочих к вооружённому восстанию и свержению династии. «Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно хотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жён и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, нёсших царские портреты, простреливали эти портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем!»²

² Гапон Г. А. Третье послание к рабочим // Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. –

Теперь проанализируем случившееся. Индикатор социальной напряженности – рабочие, идущие к Зимнему дворцу. Мирное шествие с ПОРТРЕТАМИ ИМПЕРАТОРА И ХОРУГВЯМИ! Показатель любви народа к своему царю. Пресекается кем? Чиновниками из правительства, опасаящимися за свою власть. Но ведь нельзя же вечно лгать государю и делать так, чтобы он все дальше отдалялся от своего народа только за счет того, что проходимцы из кабинета министров не хотят следовать букве истории и лишаться своих кресел?! Что надо сделать? Правильно, надо сделать провокацию – с тем, чтобы ополчить царя и народ друг на друга.

Гапон – как выяснится позднее – был провокатором царской охраны, тайной полиции, подконтрольной все тому же министерству внутренних дел. Святополк-Мирскому, как и всем членам правительства, меньше всего хотелось идти на поводу у разбушевавшейся толпы с их конституционными и вполне себе мирными требованиями. Заткнуть им глотку навсегда – да! Руками царя. Для этого они и вербуют провокатора Гапона, который выступает с подобными воззваниями. Кстати, сам Григорий Лукич, чье провокаторство было разоблачено, спустя год был повешен своими же соратниками по партии эсеров. Реакцией на такие эскапады в любом, даже самом демократическом государстве, всегда являлось только применение силы, ибо в своих речах он открыто призывает к свержению государственного строя.

4 (17) февраля 1905 в Московском Кремле бомбой террориста был убит великий князь Сергей Александрович, исповедовавший крайне правые политические взгляды и имевший определённое влияние на своего племянника.

В стране начались стачки; начались волнения на окраинах империи: в Курляндии Лесные братья начали вырезать местных немецких помещиков, на Кавказе началась Армяно-татарская резня. Революционеры и сепаратисты получали поддержку деньгами и оружием от Англии и Японии, все еще таившей зло на Россию и ее царя. Так, летом 1905 года в Балтийском море был задержан севший на мель английский пароход «Джон Графтон», перевозивший несколько тысяч винтовок для финских сепаратистов и боевиков-революционеров. Произошло несколько восстаний на флоте и в различных городах. Самым крупным стало декабрьское восстание в Москве. Одновременно большой размах получил эсеровский и анархистский индивидуальный террор. Всего за пару лет революционерами были убиты тысячи чиновников, офицеров и полицейских – за один 1906 год было убито 768 и ранено 820 представителей и агентов власти.³

Вторая половина 1905 года была отмечена многочисленными волнениями в университетах и в духовных семинариях: из-за беспорядков было закрыто почти 50 средних духовно-учебных заведений. Принятие 27 августа (9 сентября) 1905 временного закона об автономиях университетов вызвало всеобщую забастовку учащихся и всколыхнуло преподавателей университетов и духовных академий. Оппозиционные партии воспользовались расширением свобод для усиления атак на самодержавие в печати.

6 (19) августа 1905 года были подписаны манифест об учреждении Государственной думы («как законосовещательного установления, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» – булыгинской Думы), закон о Государственной думе и положение о выборах в Думу. Но набравшая силы революция перешагнула через акты 6 августа: в октябре началась всероссийская политическая стачка, бастовало свыше 2 млн человек. Вечером 17 (30) октября 1905 Николай, после психологически тяжёлых колебаний, решился подписать манифест, повелевавший, среди прочего: «1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. <...> 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обес-

1905. – С. 14–15.

³ Дж. Дейли, «Пресса и государство в России. 1906-1917 гг.»//Вопросы истории, № 10, 2001 г.

печена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»⁴. 23 апреля (6 мая) 1906 года были утверждены Основные государственные законы Российской империи, предусматривавшие новую роль Думы в процессе законодательства. С точки зрения либеральной общественности, манифест знаменовал конец русского самодержавия как неограниченной власти монарха.

Через три недели после манифеста были амнистированы политические заключённые, кроме осуждённых за терроризм; указ 24 ноября (7 декабря) 1905 отменял предварительную как общую, так и духовную цензуру для повременных (периодических) изданий, выходящих в городах империи (26 апреля (9 мая) 1906 года отменена всякая цензура).

После опубликования манифестов забастовки пошли на убыль; вооружённые силы (кроме флота, где имели место волнения) сохранили верность присяге; возникла и негласно поддерживалась Николаем крайне правая монархическая общественная организация – Союз русского народа.

Первое сильное столкновение государя с его народом закончилось относительно малой кровью – в масштабах страны. Тогда же словно символ, словно знак из глубины веков появился в его жизни человек, который эту связь царя и народа будет олицетворять последующие десять лет. Прервется она – погибнет государь, ибо не существует народа без царя, но не существует и царя без народа.

Узел второй. Распутин

В 1905 году происходит судьбоносная для Государя и для всей российской истории встреча – Николай Второй впервые встречается с Распутиным. В основном противоречивые в его отношении, исторические оценки сводятся к одному: к подчеркиванию отрицательной роли Распутина во внутренней политике России. Чтобы определить, так это или нет, необходимо обратиться к истории.

Простой крестьянин Тобольской губернии Григорий Распутин родился в 1869 году. В молодости Распутин много болел. После паломничества в Верхотурский монастырь обратился к религии. В 1893 году Распутин странствовал по святым местам России, побывал на горе [Афон](#) в Греции, потом в Иерусалиме. Встречался и завязывал контакты со многими представителями духовенства, монахами, странниками.

В 1903 году приехал в Петербург к ректору духовной академии епископу Сергию (Страгородскому). Тогда же знакомится с Распутиным инспектор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Феофан (Быстров), представив его также и епископу Гермогену (Долганову).

К 1904 году Распутин стяжал у части великосветского общества славу «старца», «юродивого» и «божьего человека», что «закрепляло в глазах Петербургского света позицию „святого“», или по меньшей мере его считали «великим подвижником». Отец Феофан рассказал о «страннике» дочерям черногорского князя (впоследствии короля) Николая Негоша – Милице и Анастасии. Сёстры и поведали императрице о новой религиозной знаменитости. Прошло несколько лет, прежде чем он начал явно выделяться среди толпы «божьих людей».

1 ноября (во вторник) 1905 года состоялась первая личная встреча Распутина с императором. Это событие было удостоено записи в дневнике Николая II: «В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»

⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Издательство «Наука», 1968, Т. VI, стр. 480.

Распутин приобрёл влияние на императорскую семью и прежде всего на Александру Фёдоровну тем, что помогал её сыну, наследнику престола Алексею бороться с гемофилией, болезнью, перед которой оказывалась бессильной медицина.

Если вспомним историю России с древнейших времен, то можно отметить, что образы юродивых идут постоянно где-то рядом с образами государей московских. Отчего так происходит? Можно объяснить. Юродивые, «божьи люди», как написал государь в своем дневнике, есть не просто выходцы из народа, но представители того самого народа, который не мыслит своей жизни без государя. Их не касаются придворные распри, в их глазах невозможно подорвать авторитет царя – быть может, за счет невежества и темноты, а быть может за счет четкого осознания прочной связи русского народа с русской же землей и с русскими традициями, в числе которых было благословенное Богом самодержавие.

Когда епископ Гермоген горько разочаровался в Распутине и его блудодействе при дворе, он, обличая его 16 декабря 1911 года, говорил ему: «Как мать вынашивает свое дитя, так церковь православная вынянчила на руках своих самодержавие...»

Распутин, как и прочие юродивые, это понимал. Под влиянием речей Василия Блаженного Иван Грозный менял направления своей внутренней политики, чего уж говорить о государе – мистике Николае Втором, на которого Распутин сразу произвел впечатление благодаря своим магическим способностям. А далее уже делами подтвердилось то, что в лице Распутина нечто, не затронутое перипетиями городских революций и политических игр, сохранившееся в самом сердце русского народа говорило с царем и явно желало ему добра и стране, у руля которой он стоял...

Самым знаменитым стало предреkanie гибели Императорского дома: «Покуда я жив, будет жить и династия».

Некоторые авторы считают, что упоминания Распутина есть в письмах Александры Фёдоровны к Николаю II. В самих письмах фамилия Распутина не упоминается, но некоторые авторы считают, что Распутин в письмах обозначается словами «Друг», или «Он» с больших букв, хотя это и не имеет документальных подтверждений.⁵

В 1912 году Распутин отговорил императора от вмешательства в Балканскую войну, что отодвинуло начало Первой мировой войны на 2 года. В 1915 году, предвидя Февральскую революцию, Распутин требовал улучшения снабжения столицы хлебом. В 1916 году Распутин решительно высказывался в пользу выхода России из войны, заключения мира с Германией, отказа от прав на Польшу и Прибалтику, а также против русско-британского альянса.

Меж тем, вокруг Николая к тому моменту сформировался достаточно устойчивый круг аристократии и буржуазии, которым продолжение войны было просто необходимо. Вся Дума во главе с Родзянко стояла в оппозиции к царю, который был по понятным причинам был против войны со своим двоюродным братом. Позже костяк этой Думы образует Временный Чрезвычайный комитет, многие члены которого пополняют ряды Временного правительства князя Г.Е. Львова. Эти люди будут клятвенно обещать уставшему от войны народу скорое ее окончание, но ничего для этого не сделают.

А народ от этой войны устал очень быстро – когда на себе начал ощущать, как вся промышленность вместо того, чтобы быть почвой для его, народа, жизнедеятельности, только и работала, что на разогнавшуюся военную машину, лишая страну необходимого обеспечения инфраструктуры. Говоря устами Распутина, он требовал окончания войны.

Но эта страна без войны жить не может! С одной стороны, уставая от выматывающих боевых действий, с другой стороны она жаждала удовлетворения своих имперских амбиций и присущего ей чуть ли не с момента образования самостоятельного государства великодержавного шовинизма. Хотя тут надо уточниться – жаждал не сам народ (в противном случае

⁵ «Письма имп. Александры Фёдоровны к имп. Николаю II». Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1922. Т. 1-2.

не поддержал бы он так горячо в 1917 году революцию, первую объявившую о прекращении боевых действий и задекларировавшую это в своих обещаниях комитетам), а те военные круги, которые имели к народу некоторое отношение и могли разжигать в нем эти негативные эмоции. Они жаждали реванша за проигрыш в японской войне, и потому внушить им необходимость прекращения этой войны было невозможно. Возглавлял их Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами великий князь Николай Николаевич.

В участии России в войне была заинтересована и Великобритания, которая претендовала на расширение за счет боевых действий своей сферы влияния в Восточной Европе. Самостоятельно им было не совладать с Германией, и потому русская военная помощь была просто незаменима. В то же время, как видим, Распутин уговаривал Императора прекратить сношения с Лондоном по военному вопросу.

Дабы пресечь его деятельность в данном направлении, в Петербург был выслан агент британской разведки МИ-6 некий Освальд Райнер, который по прибытии вскоре познакомился с представителем крупнейшего дворянского рода – Юсуповых – Феликсом, мужем племянницы государя, и, располагая сведениями о бисексуальных наклонностях последнего, вступил с ним в интимную связь⁶...

Итак, в 1914 году созрел антираспутинский заговор, во главе которого встали Николай Николаевич и Родзянко.

Помимо военных позиций Распутина, не могла знать ему простить и еще одного немаловажного обстоятельства. К 1914 году говорили, что Распутин фактически сместил двух премьеров – настолько велико было его влияние на Государя в вопросах внутренней кадровой политики Правительства. Здесь лукавить смысла нет, он действительно ходатайствовал перед Императрицей, а та, в свою очередь, перед августейшим супругом о назначении и снятии с должностей целого ряда глав правительства и министров внутренних дел – ключевых должностных лиц в тогдашнем кабинете министров. И во многом за назначениями этими стояло взяточничество и личные отношения кандидатов с Распутиным. Впрочем, долго они на своих постах не засиживались – симпатия Распутина имела свойство меняться.

Причем сказать, что кто-либо из них на посту оказал существенное влияние на ход российской истории нельзя. В целом, это были министры как министры – они не обладали теми мощнейшими личностными качествами, которые присущи политическим тяжеловесам и способны менять русло течения общественного мнения. И потому прошли часы этих халифов очень быстро и практически незаметно для страны.

Почему же тогда аристократия так сильно возмущалась происходящему? Тут все просто. До появления Распутина царь советовался по вопросам назначения на эти должности с теми же дворянами, с Думой, с Николаем Николаевичем. Теперь он это делать перестал. Клика или, как ее назовут позднее, «великокняжеская фронда», стала терять власть и не хотела мириться с таким положением вещей.

29 июня (12 июля) 1914 г. на Распутина в селе Покровском было совершено покушение. Его ударила ножом в живот и тяжело ранила Хиония Гусева, приехавшая из Царицына. Распутин показал, что подозревает в организации покушения Илиодора – мятежного священника, распускавшего про него с подачи заговорщиков различные не подтвержденные слухи и даже опубликовавшего по настоянию Горького пасквильную книжонку «Святой черт», но не смог представить каких-либо доказательств этого. 3 июля Распутина перевезли на пароходе в Тюмень для лечения. В тюменской больнице Распутин оставался до 17 августа 1914. Следствие по делу о покушении продлилось около года. Гусеву в июле 1915 объявили душевнобольной и

⁶ Rasputin: The role of Britain s Secret Service in his Torture and Murder by Richard Cullen (2010). 256 pages ISBN 1906447071

освободили от уголовной ответственности, поместив в психиатрическую лечебницу в Томске. 27 марта 1917 г. по личному указанию А. Ф. Керенского Гусеву освободили⁷.

Позже последует целая череда попыток Николая Николаевича, Александра Михайловича, матери Феликса Юсупова Зинаиды и других либо устранить Распутина физически (чужими руками), либо ограничить его влияние в императорском доме. Все тщетно. После чего эта самая фронда великих князей, состоящих в родстве с императором, но постепенно отлучаемая от власти, решила сделать то, что, как пишет Э.С. Радзинский, издревле делают баре на Руси – убить мужика своими руками.

Дальше надо предоставить слово самому Феликсу Юсупову, чью версию убийства, основанную на собственных мемуарах и считающуюся основополагающей на сегодняшний день, несмотря на наличие в ней противоречий, мы приводим в своем романе «Человек из раннего времени»⁸:

«-Что же до самого, – продолжал разливаясь Распутин, – он как уедет из Царского, так сразу и верит всем негодьям. И теперича вот он от меня аж нос воротит. Я было к нему: мол, кончать надо бойню, все люди – братья, говорю. Что француз, что немец, все одна... А он уперся. Знай твердит – «стыдно», говорит, мир подписывать. Где ж стыдно, коли речь о спасенье ближнего? И опять людей тыщами погонят на верную смерть. А это не стыдно? Сама-то государыня добрая да мудрая. А сам что? В нем от самодержца и нет ничего. Дитя блаженное, да и только. А я чего боюсь? Боюсь, почует что-нито великий князь Николай Николаич и почнет вставлять нам палки в колеса. Но он, хвала Господу, далеко, а достать отсель досель у него руки коротки. Сама поняла опасность и услала его, чтоб не мешался.

...Настал заветный вечер 17 декабря 1916 года... Войдя в дом, услышал я голоса друзей и веселые куплеты – наверху, в кабинете поручик Сухотин, Митя, Пуришкевич и Лазоверт создавали иллюзию вечеринки у моей супруги. Крутили американскую пластинку. Распутин насторожился.

– Что это? – спросил он. – Праздник у вас, что ль, какой?

– Да нет, у жены гости, скоро уйдут. Пойдемте пока в столовую, выпьем чаю.

Спустились. Не успев войти, Распутин скинул шубу и с любопытством стал озираться. Особенно привлек его поставец с ящичками. «Старец» забавлялся как дитя, открывал и закрывал дверцы, рассматривал внутри и снаружи.

И последний раз попытался я уговорить его уехать из Петербурга. Отказ его решил его судьбу. Я предложил ему вина и чая. Увы, не захотел он ни того, ни другого. «Неужели почуял что-нибудь?» – подумал я. Как бы там ни было, живым ему отсюда не выйти.

Мы сели за стол и заговорили. Обсудили общих знакомых, не забыли и Вырубову. Вспоминали, разумеется, Царское Село... После того я предложил ему эклеры с цианистым калием. Он сперва отказался.

– Не хочу, – сказал он, – больно сладкие.

Однако взял один, потом еще один... Я смотрел с ужасом. Яд должен был подействовать тут же, но, к изумлению моему, Распутин продолжал разговаривать, как ни в чем не бывало. Потом налил ему мадеры в отравленный бокал.

Я стоял возле него и следил за каждым его движением, ожидая, что он вот-вот рухнет... Но он пил, чмокал, смаковал вино, как настоящие знатоки. Ничто не изменилось в лице его. Временами он подносил руку к горлу, точно в глотке у него спазма. Вдруг он встал и сделал несколько шагов. На мой вопрос, что с ним, он ответил:

– А ничего. В горле щекотка.

⁷ Дело Томского окружного суда «Об освидетельствовании в состоянии умственных способностей Хионии Кузьминой Гусевой, обвиняемой по 13, 9 и 1454 ст. Уложения о наказаниях»//архив Томского областного суда

⁸ Юсупов Ф. Ф. «Конец Распутина» (воспоминания, 1927) // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. – М. – 1997. – Т.4.

Я молчал ни жив ни мертв.

– Хороша мадера, налей-ка еще, – сказал он.

Яд, однако, не действовал. «Старец» спокойно ходил по комнате. Я взял другой бокал с ядом, налил и подал ему. Он выпил его. Никакого впечатления. На подносе оставался последний, третий бокал. В отчаянье я налил и себе, чтобы не отпускать Распутина от вина. Мы сидели друг против друга, молчали и пили. Он смотрел на меня. Глаза его хитро шурились. Они словно говорили: «Вот видишь, напрасны старанья, ничего-то ты мне не сделаешь». Вдруг на лице его появилась ярость. Никогда прежде не видал я «старца» таким. Он уставился на меня сатанинским взглядом. В этот миг я испытал к нему такую ненависть, что готов был броситься задушить его. Мы молчали по-прежнему. Тишина стала зловещей. Казалось, «старец» понял, зачем я привел его сюда и что хочу с ним сделать. Точно шла меж нами борьба, немая, но жуткая. Еще миг – и я бы сдался. Под его тяжелым взглядом я стал терять хладнокровие. Пришло странное оцепенение... Голова закружилась...

Когда я очнулся, он все так же сидел напротив, закрыв лицо руками. Глаз его я не увидел.

Я успокоился и предложил ему чаю.

– Лей, – сказал он глухо. – Пить хочется.

Он поднял голову. Глаза его были тусклы. Казалось, он избегал смотреть на меня. Пока я наливал чай, он встал и снова стал ходить взад-вперед. Заметив на стуле гитару, он сказал:

– Сыграй, что ль, веселое. Я люблю, как ты поешь.

В этот миг мне было не до пенья, тем более веселого.

– Душа не лежит, – сказал я.

Однако ж взял гитару и заиграл что-то лирическое. Он сел и стал слушать. Сперва внимательно, потом опустил голову и смежил веки. Казалось, задремал. Когда я окончил свой романс, он раскрыл глаза и посмотрел на меня с грустью.

– Спой еще. Нравится мне это. С чувством поешь.

И я опять запел. Голос был словно чужой. Время шло. На часах – половина третьего ночи... Два часа уже длится этот кошмар. «Что будет, – подумал я, – если нервы сдадут?» Наверху, кажется, начали терять терпенье. Шум над головой усилился. Не ровен час, товарищи мои, не выдержат, прибегут.

– Что там еще такое? – спросил Распутин, подняв голову.

– Должно быть, гости уходят, – ответил я. – Пойду посмотрю, в чем дело.

Наверху у меня в кабинете Дмитрий, Сухотин и Пуришкевич, едва я вошел, кинулись навстречу с вопросами.

– Ну, что? Готово? Кончено?

– Яд не подействовал, – сказал я. Все потрясение замолчали.

– Не может быть! – вскричал Дмитрий.

– Доза слоновья! Он все проглотил? – спросили остальные.

– Все, – сказал я.

Посоветовались наскоро и решили, что сойдем в подвал вместе, кинемся на Распутина и задушим. Мы стали спускаться, но тут я подумал, что затея неудачна. Войдут незнакомые люди, Распутин перепугается, а там Бог весть на что этот черт способен... С трудом убедил я друзей дать мне действовать одному. Я взял у Дмитрия револьвер и сошел в подвал.

...Я машинально повернул голову и посмотрел на хрустальное распятие на поставце, потом встал и подошел ближе.

– Что высматриваешь? – спросил Распутин.

– Нравится мне распятие, – отвечал я. – Прекрасная работа.

– И впрямь, – согласился он, – хороша вещица. Дорого, я чай, стоила. Сколько дал за нее?

С этими словами он встал, сделал несколько шагов ко мне и, не дожидаясь ответа, добавил:

вил:

– А по мне, шкапец краше. – Он подошел, открыл дверцы и стал рассматривать.

– Вы, Григорий Ефимыч, – сказал я, – лучше посмотрите на распятие и Богу помолитесь.

Распутин глянул на меня удивленно, почти испуганно. В глазах его я увидел новое, незнакомое мне выражение. Была в них покорность и кротость. Он подошел ко мне вплотную и заглянул в лицо. И словно увидел в нем что-то, чего не ожидал сам. Я понял, что настал решающий момент. «Господи, помоги!» – сказал я мысленно. Распутин все так же стоял предо мной, неподвижно, ссутулившись, устремив глаза на распятие. Я медленно поднял револьвер. «Куда целиться, – подумал я, – в висок или в сердце?» Дрожь сотрясла меня всего. Рука напряглась. Я прицелился в сердце и спустил курок. Распутин крикнул и рухнул на медвежью шкуру.

На миг ужаснулся я, как легко убить человека. Одно твоё движение – и то, что только что жило и дышало, лежит на полу, как тряпичная кукла.

Услышав выстрел, прибежали друзья. На бегу они задели электрический провод, и свет погас. Во тьме кто-то налетел на меня и вскрикнул. Я не сходил с места, боясь наступить на труп. Свет, наконец, наладили.

Распутин лежал на спине. Временами лицо его подергивалось. Руки его свело судорогой. Глаза были закрыты. На шелковой рубашке – красное пятно. Мы склонились над телом, осматривая его. Прошло несколько минут, и «старец» перестал дергаться. Глаза не раскрылись. Лазоверт констатировал, что пуля прошла в области сердца. Сомнений не было: Распутин мертв. Дмитрий с Пуришкевичем перетащили его со шкуры на голый каменный пол. Мы потушили свет и, замкнув на ключ подвальную дверь, поднялись ко мне.

...За разговором появилось вдруг во мне смутное беспокойство. Неодолимая сила повела меня в подвал к мертвецу. Распутин лежал там же, где мы положили его. Я пощупал пульс. Нет, ничего. Мертв, мертвей некуда. Не знаю, с чего вдруг я схватил труп за руки и рванул на себя. Он завалился на бок и снова рухнул. Я постоял еще несколько мгновений и только собрался уйти, как заметил, что левое веко его чуть-чуть подрагивает. Я наклонился и всмотрелся. По мертвому лицу проходили слабые судороги.

Вдруг левый глаз его открылся... Миг – и задрожало, потом приподнялось правое веко. И вот оба распутинских зеленых гадючьих глаза уставились на меня с невыразимой ненавистью. Кровь застыла у меня в жилах. Мышцы мои окаменели. Хочу бежать, звать на помощь – ноги подкосились, в горле спазм. Так и застыл я в столбняке на гранитном полу. И случилось ужасное. Резким движением Распутин вскочил на ноги. Выглядел он жутко. Рот его был в пене. Он закричал дурным голосом, взмахнул руками и бросился на меня. Пальцы его впивались мне в плечи, норовили дотянуться до горла. Глаза вылезли из орбит, изо рта потекла кровь. Распутин тихо и хрипло повторял мое имя. Не могу описать ужаса, какой охватил меня! Я силился высвободиться из его объятий, но был как в тисках. Меж нами завязалась яростная борьба. Ведь он уж умер от яда и пули в сердце, но, казалось, сатанинские силы в отместку оживили его, и проступило в нем что-то столь чудовищное, адское, что до сих пор без дрожи не могу о том вспомнить.

В тот миг я как будто еще лучше понял сущность Распутина. Сам сатана в мужицком облике вцепился в меня мертвой хваткой. Нечеловеческим усилием я вырвался. Он упал ничком, хрипя. Погон мой, сорванный во время борьбы, остался у него в руке. «Старец» замер на полу. Несколько мгновений – и он снова задергался. Я помчался наверх звать Пуришкевича, сидевшего в моем кабинете.

– Бежим! Скорей! Вниз! – крикнул я. – Он еще жив!

В подвале послышался шум. Я схватил резиновую гирю, «на всякий случай» подаренную мне Маклаковым, Пуришкевич – револьвер, и мы выскочили на лестницу. Хрипя и рыча, как раненый зверь, Распутин проворно полз по ступенькам. У потайного выхода во двор он подбрался и навалился на дверку. Я знал, что она заперта, и остановился на верхней ступеньке, держа в руке гирю. К изумлению моему, дверка раскрылась, и Распутин исчез во тьме! Пуриш-

кевич кинулся вдогонку. Во дворе раздалось два выстрела. Только бы его не упустить! Я вихрем слетел с главной лестницы и понесся по набережной перехватить Распутина у ворот, если Пуришкевич промахнулся. Со двора имелось три выхода. Средние ворота не заперты. Сквозь ограду увидел я, что к ним-то и бежит Распутин. Раздался третий выстрел, четвертый... Распутин качнулся и упал в снег... «Старец» более не подавал признаков жизни».

Так закончилась для царя эра Распутина – эра, когда жившей в этом юродивом мужике народной любовью самодержавие и всю судьбу России еще можно было спасти. Но уже очень скоро сбудется предсказание старца о том, что пока он жив, живет династия. Это было начало конца.

Узел третий. Война

В это время шла одна из самых страшных мировых войн, в которой Россия принимала деятельное, к сожалению для себя, участие.

Усиление военной мощи Германии, фактически появившейся на свет в оформленном виде совсем недавно – в 1870 году – требовало аннексии на Восток. Легендарное гитлеровское «Дранг нах остен» получило свою первоначальную актуальность еще тогда, на заре XX века, когда для роста и развития Германии потребовались восточные территории, удобные как с геополитической, так и с экономической точки зрения – благодатные земли, полезные ископаемые, оросительные сооружения все это присутствовало здесь в количестве, значительно превосходившем среднеевропейские запасы.

Как всегда, в таких случаях для развязывания войны потребовалась провокация. Используется некий межнациональный конфликт внутри государства, политическая система которого не отличается особой стабильностью. Для этого была выбрана Австро-Венгрия.

Огромная империя к тому моменту буквально дышала на ладан ввиду царившего в ней политического кризиса. Видите ли, с ростом и развитием государственности в Европе существование таких суперовых государств, объединяющих в своих границах народности разные по происхождению, по менталитету, по историческому развитию, по национальным признакам и так далее, все больше подвергается сомнению и опасности. Каждая народность жаждет самостоятельности, суверенитета, и насильно сдерживать в одной телеге лебедя, рака и щуку становится почти невыполнимой задачей.

И вот эта и без того трещащая по швам Австро-Венгрия присоединяет Сербию, которая много лет прикрывалась российским щитом во внешнеполитических конфликтах, и кронпринц Франц-Фердинанд отправляется туда со своего рода инспекцией. И 28 июня 1914 года вполне естественно происходит то, что должно произойти – политическая провокация. Некий студент Гаврила Принцип убивает наследного принца Австро-Венгрии, и страна на следующий же день получает ультиматум, среди требований которого допустить австро-венгерскую полицию на сербскую территорию для проведения следствия. Казалось бы, чего проще? Однако, это условие Сербия отклоняет, результатом чего становится война. Причем обстановка в обществе была накалена до такой степени, что ни Австро-Венгрия, ни Сербия даже не ждали истечения 48 часов, отведенных на принятие условий ультиматума – мобилизацию начали в тот же день, когда он был получен.

Почему? Да потому что ни Австро-Венгрия, ни Сербия воевать не собирались. Первая спряталась за щитом Германии, чей кайзер Вильгельм сразу же объявил о предоставлении Австро-Венгрии военной защиты, а вторая, что вполне логично – за щитом России. Причем Николай начисто забыл высказывание своего отца о том, что «жизнь одного русского солдата не отдам за все Балканы». Почему он так поступил? Тоже понятно.

Две сверхдержавы – крепко стоящая на ногах Россия и только начавшая набирать обороты, но уже достигшая немалых успехов в становлении политического статуса Германия. Вто-

рой нужны земли для роста и развития, а первой они просто всегда нужны. «Кому война, кому мать родна». Лишней земли не бывает, учил еще Иван Грозный. В результате этой войны сверхмощная оборонительная система России запросто могла обеспечить прирост южных, в том числе балканских (обратившихся «за защитой», а неформально уже отдавшихся под полную власть России) территорий. Австро-Венгрия трещала по швам, и возможное воцарение там кайзера Вильгельма в общем никого не пугало. Сербия же независимой отродясь не была, а поэтому в ее представлении смена одного, недружественного, гегемона другим, дружественным, представлялась не очень уж страшным исходом военного конфликта.

И еще одно. Мы помним, что ща плечами государя – либеральные уступки революции 1905-1907 годов, провал войны с Японией, ослабление власти аристократии при дворе. Недовольные таким положением вещей, военные и силовые круги использовали участие России в войне как способ поднятия собственной популярности в народе, который еще страдал приступами великодержавного шовинизма. В борьбе за политический статус на карту ставилось благополучие народа!

Таким образом к августу 1914 года в Европе образовались два воинствующих лагеря: Россия, Англия, Франция (при косвенном участии США) и все славянские государства с одной стороны, Австро-Венгрия и Германия – с другой. Мощь второго военного лагеря была велика, но мощи Антанты (так назывался первый) уступала.

Три года подряд боевые действия велись ожесточенно, кровопролитно, с сумасшедшими жертвами. 1916 год ознаменовался т.н. «Брусиловским прорывом», когда Юго-Западный фронт под командованием генерала А.А. Брусилова наносит сокрушительное поражение немецким войскам и занимает Буковину и Галицию (нынешняя Западная Украина и часть Польши). Это означает коренной перелом в ходе войны – то, на что русский царь только гипотетически рассчитывал в ее начале, становится уже очевидной реальностью завтрашнего дня. Германскому командованию срочно надо что-то предпринять! И они это «что-то» удивительным образом находят...

Дестабилизация внутривластной обстановки в стане врага является залогом отклонения в театре боевых действий. Внутренняя политика государя была полна противоречий – главным образом потому, что власть монарха, неограниченная и авторитарная, не соответствовала духу начавшегося XX века. Буржуазия в лице представительного органа (Государственной Думы) почти целиком состояла в оппозиции к царю, по двум причинам.

К первой относилась абсолютно выматывающая национальные ресурсы роль войны для экономики и промышленности. Страна впала в глубокую экономическую кому, что, конечно, не могло вызывать эйфории у правящей верхушки аристократии. Вторая состояла в утере со стороны этой самой буржуазии, хоть номинально и обладающей некоторой властью в стране, руководящих позиций – ее место в управлении страной занял один человек, Г.Е. Распутин.

Немецкое командование пошло по пути дискредитации руководства России в глазах ее же населения – чтобы вызвать недоверие к властям и в итоге осуществить государственный переворот. В 1916 году лидер кадетской партии П.Н. Милюков, выступая в Думе, обвиняет императрицу, немку по происхождению, в государственной измене в пользу Германии.

Многие циркулировавшие в обществе слухи об императрице носили откровенно фантастический характер, как то: «*дороговизна оттого, что государыня императрица отправила за границу 30 вагонов сахара*», несколько раз появляются слухи, что она уже арестована за шпионаж и что в Царском Селе якобы находился прямой провод для связи с Берлином. В январе 1916 появляются слухи, что императрица якобы разводится с Николаем II и уходит в монастырь. После гибели британского военного министра Г. Китченера, который подорвался на mine во время секретного следования в Россию, появляются слухи, что императрица, сама будучи этнической немкой, якобы выдала Германии его местонахождение. После Февральской

революции был проведён тщательный обыск царскосельского дворца, однако никаких «прямых проводов» и «радиотелеграфных станций» обнаружено не было.

Как известно, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с марта по октябрь 1917 года тщательно искала доказательства «измены» (а также и коррупции в царском правительстве). Были допрошены сотни людей. Ничего найдено не было. Комиссия пришла к выводу, что ни о никакой измене России со стороны императрицы не могло быть и речи. Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен в своём докладе в Лондоне в феврале 1917 года подчёркивал, что императрица (Александра Фёдоровна) *«не только не работает в интересах Германии, как это часто утверждают, но она более всех других предана идее самодержавия в России и войны против Германии до полной победы союзников»*.⁹

Итог этой информационной диверсии всем известен – Февральская революция. По замыслу немецкого генерального штаба, именно она должна была окончательно дестабилизировать обстановку на фронте и привести к капитуляции со стороны России. Однако, этого не произошло, несмотря на все усилия, предпринятые для этого Временным правительством.

А усилия были колоссальные. Среди населения велась пропагандистская работа, посвящённая необходимости массового дезертирства, мол, зачем воевать, штык в землю, офицера убей, иди домой, пахать землю, отнятую у помещиков. И дезертирство имело место. И убивали офицеров, и шли домой. А дома что? Никакой земли Временное правительство у помещиков не отнимало, ибо не хотело лишаться такого источника доходов как отчисления от единственно платежеспособного слоя населения. Соответственно, дезертиры остались без средств к существованию.

Далее – приняли «Декрет № 1», посвященный созданию солдатских комитетов, а читай – неподчинение солдат офицерам на фронтах. Солдаты имели право обсуждать приказы начальства и не выполнять те из них, которые по тем или иным причинам их не устраивали. А дальше что? Назначают главнокомандующим генерала Л.Г. Корнилова, который за невыполнение приказов виселицей карает. Опять обман. Опять половинчатые реформы.

Да и само правительство мечется – Гучков и Милюков против окончания войны, ибо понимают, что это чревато капитуляцией и разделом сфер влияния в Европе явно не в пользу России. Они – русские патриоты – пришли не разваливать страну, а улучшить жизнь в ней. Однако, у Германии в отношении России были другие планы, которые не коррелировали с планами Временного правительства.

И тогда она делает ставку на малочисленную и плохо финансируемую партию большевиков, РСДРП, которая в качестве главной своей задачи видит свержение царизма и полную ликвидацию государственного устройства России. То, что пишет в своих работах ее лидер Ленин, похоже на бред. Это даже не марксизм, потому что никакой теорией экономики там не пахнет. Он пишет о реках крови, которые необходимо пролить для установления диктатуры пролетариата, которую, собственно, непонятно, зачем надо устанавливать. Из его сочинений следует, что и пролетариат не станет лучше жить, но -!– **ВСЕ СТАНУТ РАВНЫ**. Вот эта гибельная идея всеобщего равенства уже привела к развалу Франции как государства в 1793 году. И то же самое она должна, согласно выведенной Аристотелем формуле (если помним, он отрицал демократию как форму правления и всячески ее критиковал). Ленин не собирается устраивать и организовывать государство, он собирается его развалить.

Вот такой кандидат вполне подходит германскому командованию. Тем более, что ввиду крайней непопулярности его идей ранее финансировавшие партию российские филантропы типа Саввы Морозова финансирование прекратили, а боевики, своими экспроприациями пополнявшие партийную казну, стараниями царского правительства почти полностью оказа-

⁹ Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. – Смоленск: Русич, 2000. – С. 164.

лись в тюрьмах да ссылках – это значит, не за дорого купить можно большевиков. И немцы покупают.

Учитывая половинчатость реформ Временного правительства, надо ли говорить о том, что среди основной массы населения страны и оно было крайне не популярно?! (Мы подробно пишем об этом историческом периоде и об обстановке на фронте, в частности, в своем романе «Человек из раньшего времени».) В этой атмосфере к власти за счет немецких денег и бредовых лозунгов, как всегда жадно поглощаемых электоратом (это нацистский министр пропаганды доктор Геббельс чуть позже сформулирует мысль, согласно которой чем бредовее ложь, тем охотнее в нее верят массы), к власти приходит Ленин, который спустя всего лишь год подписывает с Германией унизительный для страны Брест-Литовский мирный договор, по которому от России отторгались [привислинские губернии](#), [Украина](#), губернии с преобладающим белорусским населением, Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии, [Великое княжество Финляндское](#). Большинство этих территорий должны были превратиться в германские протектораты либо войти в состав Германии, а На Кавказе Россия уступала [Карсскую область](#) и [Батумскую область](#).

Позже У. Черчилль напишет об итогах войны для России так: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного безснрядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями».¹⁰

Вывод из этой четырехлетней ужасной эпопеи был таков: начатая как захватническая с обеих сторон, эта война принесла ужасающие потери и обернулась жертвами куда более губительными с точки зрения внутренней политики, чем просто поражения или капитуляции. Сама по себе захватническая война всегда оборачивается гибелью государства – гегемона. Погибла великая империя в России, пала империя в Германии. Спустя тридцать лет все повторится – и урок будет тот же самый, захватническая война не может кончиться ничем иным, потому что сам принцип ее ведения есть отступление от задуманного, отступление от геополитических начал, от Божественной справедливости, в конце концов. Но человечество регулярно переживает свою историю, и потому не выносит из нее уроков – спустя сто лет все повторяется снова. . .

Узел четвертый. Низложение.

В январе 1917 года страну, измотанную донельзя войной и продовольственным кризисом, вновь охватили рабочие стачки, напомнившие Николаю события 12-летней давности. Вкупе с недостатком продовольствия вскоре они приняли всероссийский, массовый характер.

В таких условиях в первую очередь все зависело от того, как поведут себя правительственные войска – другого способа защитить власть у самодержца не было. Но, как мы помним, уже началось подстрекаемое антиправительственными фракциями дезертирство с фронтов – и очень скоро дезертиры, а также регулярные части, переходившие на сторону стачечников, образовали не то, чтобы ядро противодействия, а ядро восстания. Дальнейшие события всем известны, смысла их пересказывать нет, скажем лишь, что к концу февраля 1917 года ввиду невозможности сохранения государственного порядка в столице, правительство сложило с себя полномочия и власть перешла к Временному чрезвычайному комитету Государственной Думы, который вскоре, вместе с наводнившими Россию советами солдатских и рабочих депу-

¹⁰ Черчилль В. Мировой кризис. – М.—Л.: Государственное военное издательство, 1932.

татов и сформирует новый орган власти – Временное правительство, сосредоточившее в своих руках всю полноту власти вплоть до созыва Учредительного Собрания, которое планировалось осенью 1917 года.

В это время в войсках произошло то, что во все времена называлось изменой – и тут, я думаю, Государь вспомнил и Распутина, и подлого мракобеса Николая Николаевича, всегда стоявшего между царем и его народом в лице того же мужика. Все командующие фронтами – как мы уже помним, в то время царь сосредоточил на себе функции Верховного Главнокомандующего и практически постоянно находился в ставке в Могилеве – как один высказались за отречение государя от престола. Чего они хотели добиться этим решением? Заткнуть рот общественности? Получить посты в новом правительстве? Свергнуть надоевшего царя и самим стать у руля государства? Сложно дать однозначный ответ на этот вопрос, можно лишь вспомнить события начала XVII века, когда похожая смута вызовет на свет Божий такую форму правления и разграбления как семибоярщина, разорвав ту историческую связь народа с помазанником Божиим. Все помнят, сколько крови было пролито тогда, в том числе и монаршей. То же происходило в стране и теперь.

Делать нечего – государь без войска не государь. Отрекся. В пользу брата. Но и здесь иезуиты обыграли монаршую семью – сначала застрашали несчастного Михаила Александровича народными волнениями, а потом «убеждали принять царствование». В обстановке, когда изменили войска, это значило бы для него самоубийство. Отказался и он. Все.

У власти теперь клика Керенского. Истеричный, лживый, полусумасшедший член Государственной Думы от малочисленной Трудовой партии, в атмосфере охватившего страну хаоса и бардака захватил власть, всю эксплуатируя присущие от природы ораторские способности – профессия присяжного поверенного дала о себе знать.

Но кроме ораторских способностей не было больше ничего – что бы Временное правительство ни обещало народу, ничего оно не делало. Войну не прекратили, реквизицию помещичьих земель не провели, в правах никого ни с кем не уравнили. А разбушевавшаяся толпа дикарей требовала радикальных мер, игрушки Александра II с ней уже не проходили. Потому и не просуществовало Временное правительство даже до зимы 1917 года – на смену ему пришел Ленин, который, как писали мы ранее, ни о чем, кроме разрушения государства в каком бы то ни было виде не помышлял и никакого другого пути развития страны, кроме как течение по рекам крови, не видел. Оскорбленный отвержением от мещанского сословия, из которого происходил – по причине участия брата в попытке организации покушения на Александра III в марте 1887 года (обо всем этом мы подробно пишем в своем романе «Человек из раннего времени»), он ненавидел страну и всех людей, ее населявших. Многие беды принесет России этот человек, но о них позже...

Пока нас интересует судьба главного героя повествования. А она сложилась очень печально.

В результате Февральской революции Николай II отрёкся от престола и вместе с семьёй находился под домашним арестом в Царском Селе. Как свидетельствовал А. Ф. Керенский, когда он, министр юстиции Временного правительства, всего лишь через 5 дней после отречения поднялся на трибуну Московского Совета, он был осыпан градом выкриков с места с требованием казнить Николая II. Верить «Александр Фёдоровне», как его позже назовут за ум и решительность, нельзя, однако, как бы там ни было, в августе 1917 года Николай II и его семья по решению Временного правительства были высланы в Тобольск.

После прихода большевиков к власти, в начале 1918 года, в советском правительстве обсуждалось предложение провести открытый судебный процесс над Николаем II. Историк Латышев пишет, что идея суда над Николаем II была поддержана Троцким, однако Ленин высказал сомнения в своевременности проведения такого процесса. По свидетельству наркома

юстиции Штейнберга, вопрос был отложен на неопределённое время, которое так и не наступило.

По мнению историка В. М. Хрусталёва, к весне 1918 года большевистскими руководителями был выработан план по сбору всех представителей династии Романовых на Урале, где они бы содержались на значительном удалении от внешних опасностей в лице Германской империи и Антанты, а с другой стороны, большевики, располагающие здесь сильными политическими позициями, могли бы держать ситуацию с Романовыми под своим контролем. В таком месте, как писал историк, Романовых можно было бы уничтожить, найдя для этого подходящий повод. В апреле – мае 1918 года Николай II вместе с близкими был доставлен под охраной из Тобольска в «красную столицу Урала» – Екатеринбург – где к тому моменту уже находились другие представители императорского дома Романовых. Именно здесь в середине июля 1918 года, в обстановке стремительного наступления антисоветских сил (Чехословацкого корпуса и Сибирской армии), приближавшихся к Екатеринбургу (и действительно захвативших его спустя восемь дней), была осуществлена расправа над царской семьёй. Вся она – до единого человека – была расстреляна в подвале дома гражданина Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 года.

Солнце над Россией село и сменилось кровавым заревом вечернего заката, в котором блики крови и цвет вновь введенного флага страны сольются в единое целое.

Резюме. Нет и не было на Руси никакой другой власти, как от Бога – власть самодержца. Со своими недостатками, с которыми, впрочем, как показало царствование Николая, оно могло и готово было даже бороться, оно все же обеспечивало оптимальное существование страны как субъекта международных отношений и как той защиты, которую государство оказывает своим гражданам. И народ до определенного момента воспринимал и принимал это. Принимал бы и далее, если бы не сбесившаяся знать, которая в своей жажде власти забыла обо всем – и решила сдвинуть государя с его места, не понимая, что и сама на своем не усидит и минуты без монаршей милости. Разорвать связь с народом, народа с Богом, самой заменить и самодержца и Вседержителя – вот, к чему стремились юсуповы, николаи николаевичи и прочие в те жуткие дни 1914-1917 годов. К чему все это привело – вы видите сами. Знать захотела в сапожники, как сказано в эпиграфе главы. Попала. Да мало.

Еще эта знать не умела признать ошибок. К осени 1917 года только дурак не понимал гибельность и обреченность идей революции. Еще был жив царь, еще не поздно было все изменить, но признать ошибку русским дворянам татаро-еврейского происхождения было не с руки. И они снова пожертвовали народным благополучием – как жертвовали им, развязывая войну, убивая Распутина, заставляя государя отречься от престола. Снова бросили его на съедение куда более опасному, чем Распутин, левиафану по имени Ленин. За то история воздаст им низкий поклон.

А в завершение главы разрешите привести текст акта об отречении Государя, подписанного 2 марта 1917 года, в качестве иллюстрации того, что Государь, принимая это, тяжело для себя, решение, руководствовался только народными интересами и думал о народе. Лукавить представителям царской семьи, в отличие от дворянских и мещанских выкормышей, знаете ли, было не с руки. Ему можно верить...

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестоким враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплю-

чение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России»¹¹

¹¹ https://ru.wikisource.org/wiki/Манифест_об_отречении_Николая_II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.